

Он гибнет — кончено...

Известия - 2000 г. - Сент. - с. 70.

Худрук (теперь уже экс-худрук?) «Школы драматического искусства» Анатолий Васильев выпустил премьеру по «Каменному гостю». Ближе к финалу его спектакль напоминает обряд погребения, и уже непонятно, что именно тут хоронят — тело Дон Гуана или театральное дело Васильева.

В спектакле **Анатолия Васильева** ад немного похож на бордель

Марина Давыдова

В этой маленькой трагедии сошлось так много важных для мастера и формальных, и мировоззренческих проблем, что, видно, поставить ему ее не переставить. Сначала о форме. Васильев, строго говоря, работал не над пьесой Пушкина (как в постановке 1997 года), а над оперой Даргомыжского. Но выпустил все же не оперу, а драматический

спектакль, который идет в сопровождении концертмейстера и в котором женщины поют, а мужчины говорят. Противоестественный диалог поющих с непоющими кажется тут совершенно естественным, и проще всего сделать из услышанного вывод, что сам способ произнесения стихов строится у Васильева по музыкальным законам. Но это неправда. Знаменитый режиссер как раз разбивает кантилену поэтической речи, заставляя артистов делать смысловое ударение на каждом слоге, включая союзы и междометия. Уж какая тут музыкальность! Тут вообще дело в другом. Творческая манера позднего Васильева характеризуется снятием всех перегородок, а заодно и всех опор, на которых зиждется любое театральное действо. Его последние спектакли — не взаимодействие характеров или актерских индивидуальностей (если рассматривать их в обычной системе координат, они окажутся антологией сценических нелепостей), а столкновения и завихрения неких потоков энергии. Эта манера восходит не столько к театральным опытам, сколько к религиозным практикам, в которых чело-

век научается отрешаться от земных связей и оков и концентрировать свою энергию так, что становится сильнее любого силача. Артисты Васильева с блаженной улыбкой на устах почти всегда находятся в состоянии отрешенности. Их пребывание на сцене невозможно назвать игрой. Это скорее чистая эманация чувств, воздействующая напрямую — поверх внешности, движений, психологии. Потому Игорь Яцко, прекрасный артист с внешностью, которой позовидовал бы сам Фернандель, может произносить тут текст великого соблазнителя, и это не кажется ни странным, ни смешным. Душевное смятение, любовный порыв, даже поцелуй — все это претворяется у Васильева в безындвидуальный, но мощный и захватывающий зрителя без остатка поток энергии.

Но если форма остается у мастера неизменной вот уже несколько лет, то его взгляд на пушкинский сюжет, да и на жизнь вообще изменился радикально. Проще говоря, он стал трагичнее. В «Каменном госте» 1997 года финальная сцена между Доном Гуаном и Доной Анной разворачивалась в сопровождении пения, напоминающего церковный хорал. Любовь небесная и любовь земная были уравнены в правах, и потому Командор так и не являлся за своим обидчиком, а преисподняя не разверзалась перед ним.

Теперь разверзается. Тут по сцене летает гроб, а сама сцена превращается вдруг в погост, на который сверху, с балкона, летят комья земли и охапки красных гвоздик. Любовный сюжет оборачивается бездной ужаса. За финалом пушкинской трагедии у него следует еще один финал — бессловесная визуализация страшного гротеска Франсиско Гойи, его знаменитых «Капричос». Зеленый тлен, обволакивающий кокетливых дамочек и похотливых мужчин, медленно (изматываяюще медленно) расплзается по сцене. Лишь одна цветовая доминанта вспарывает склизкую зелень — черные веера женщин и рифмующиеся с ними огромные черные крылья инфернальных существ, напоминающие крылья летучей мыши.

Низкие дупли решат, что навеянный «Капричос» данс-макабр появился у мастера в связи с нынешней потерей родового гнезда. Ведь Поварская для Васильева — все равно что «Вишневый сад» для Раневской и Гаева. Но это не причина, это всего лишь фон для кризиса куда более глубокого. «Дон Гуан мертв», — гласит подзаголовок спектакля. А давно ли мертв? Есть ли еще надежда на его воскресение в измученной душе режиссера? Давно ли «Каменный гость» не отпускает его от себя? «О, тяжело пожатье каменной его десницы». Чем дальше, тем тяжелее...

Что происходит в здании на Поварской?

Анатолий Васильев выпустил свою премьеру в самый разгар баталий вокруг принадлежащего «Школе драматического искусства» здания на Поварской («Известия» писали об этом конфликте в № 55 от 30 марта). Сейчас приказом Комитета по культуре г. Москвы Васильев А.А. освобожден от должности художественного директора «Школы». Это место занял Игорь Габелко, аудитор, никогда не имевший никакого отношения к театру. Его задача — провести реорганизацию театра, а проще говоря, отобрать у него здание на Поварской, где как раз и была выпущена премьера «Каменного гостя». Дальнейшая судьба нового спектакля пока не очень ясна, поскольку в здание на Сретенке, тоже принадлежащее «Школе», он вписывается с трудом. Разрешат ли его играть дальше на Поварской, непонятно. Что намерен предпринять сам Васильев, также пока неизвестно, но если он решит судиться с комитетом, финиш-спекция, которая вот уже третий месяц проверяет в театре документы, наверняка найдет в них наряду с мелкими еще и крупные несоответствия.